

УТВЕРЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Маленький
РОССИИ

когда он, воровато оглядываясь, входит во двор школы, возведенной тем самым человеком, с которым он двадцать лет назад был на каторге. А затем видим, как, войдя к тому уже в дом и почувствовав его страх перед возможным возмездием за побег, Старик уверенно, похозяйски садится в кресло...

И, наконец, возникает еще одна фигура. Потомственный дипломат Илья Репнин в спектакле «Признание» по роману С. Дангулова «Дипломаты». Человек, пытающийся остановить движение времени, колесо истории. Революция нарушила, сломала привычный для него уклад жизни, и он весь пронизан чувством вражды и злобы по отношению к людям, создающим новый мир.

Он сидит на приземистой палубной тумбе, широко расставив ноги, положив ладони на колени. На нем матросский бушлат, командирская фуражка. Брюки заправлены в сапоги. На черном витом шнурачке болтается пенсне... Имени у этого человека нет. Все называют его коротко: Вожак...

Внешний облик Вожак — его своеобразная визитная карточка. Он не кадровый моряк. На флот послала его в дни революции партия анархистов.

Постепенно обнаруживается для окружающих политическая и нравственная изнанка Вожак, а через него и всего анархизма в целом. Безудержный, жестокий авантюризм, изуверство, предательство интересов народа. В последнюю его минуту все это обернется трусостью. Изобличенный, понимая, что его ждет пуля, Вожак терпит выдержку и выкрикивая: «Да здравствует революция!», захлебывается в истерике...

А вот еще человек. Бывший товарищ по каторге называет его Антоном. Сам же он именует себя Питиримом. Остальные зовут его Стариком. Смирный внешний облик, поношенный зипун, прикрывающий согбенные плечи, лапти, полушавельная шапка на седой голове. Мы встречаем Старика,

когда он, воровато оглядываясь, входит во двор школы, возведенной тем самым человеком, с которым он двадцать лет назад был на каторге. А затем видим, как, войдя к тому уже в дом и почувствовав его страх перед возможным возмездием за побег, Старик уверенно, похозяйски садится в кресло...

Три характера. Три судьбы. Три человеческих портрета, созданных в последние годы одним и тем же художником — выдающимся мастером сцены, народным артистом СССР, лауреатом Государственных премий Михаилом Ивановичем Царевым на подмостках Малого театра, которому он отдал уже более трех десятилетий...

Мы сидим с Михаилом Ивановичем у него дома, в комнате — одновременно и столовой, и гостиной. Ничего лишнего. Все подобрано со вкусом, продуманно, строго...

Весь облик Царева говорит о его необычайной внутренней собранности и целеустремленности. Ему уже далеко за шестьдесят, но вся его фигура, высокая, ладно скроенная дышит силой, одухотворенностью. Последнее, пожалуй, подчеркивается и седной, сильно поизморозившей волосы, и льдистой прозрачностью больших голубых глаз...

Взгляд Михаила Ивановича внимателен и вдумчив.

— Так, вы спрашиваете, с чего все началось? С гимназии в Ревеле, нынешнем Таллине, где я учился перед самой революцией. Именно там, в гимназии, впервые обнаружилась у меня любовь к слову. За чтение Некрасовских стихотворений — «Размышления у парадного подъезда» и «Однажды в студеную зимнюю пору» дважды получил пять с плюсом, единственные сверхотличные отметки за всю гимназическую жизнь. А затем любовь к слову соединилась с тягой к театру. Стал принимать участие в гимназических спектаклях. И не только в гимназических. Школу окончил после революции в девятнадцатом году, но уже не в Ревеле, а в Царском Селе, куда перееха-

ла вся семья. В том же году поступил на драматические курсы при бывшем Александринском театре в Петрограде. Читал на вступительных экзаменах монолог Городничего из пятого акта «Ревизора», басню Крылова «Гуси», стихотворение Алексея Толстого «Князь Михайло Репнин». О ролях героев в ту пору и не думал. Но играл затем почти всю жизнь именно эти роли — и в Большом драматическом, и в Василеостровском театрах, и в Пушкинском, в Ленинграде, и в Москве у Корша, и в провинции — в Саратове, Симферополе... К характерным ролям типа Вожак или Старика обратился лишь в последние годы...

Невольно вспомнилось мне во время рассказа Михаила Ивановича то удивление и даже недоумение, которые вызвало несколько лет назад известие о том, что в готовившейся тогда к постановке «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского роль Вожак будет играть Царев. Актер геройско-романтического плана, которого зрители привыкли видеть Чанкиным в «Горе от ума», Уризем Акостью в одноименной трагедии К. Гуккова, Арбекиным в «Маскараде», и вдруг Вожак — средоточие и олицетворение грубой и тупой физической силы. Это казалось парадоксальным...

Образ, созданный Царевым, — это нерв спектакля, и именно он, этот образ, в значительной степени определяет и подлинные масштабы трагедии, и современность проблем, заключенных в ней. Страшная сила Вожак в его фанатической убежденности в своем праве властвовать над массами. Вот одна характерная деталь, свидетельствующая о направлении поисков артиста. В ходе репетиций Царев отказался от длинноволосого, типично народного парика, от бороды и усов, делавших Вожак излившим театральным, и заме-

нил все это клоком волос, падающих на лоб и чуть выбивающихся из-под фуражки. И дело здесь не в напрашивающейся ассоциации, не в исторической параллели, а в верном ощущении того направления, в котором движется Вожак, тех социальных чувств, которые он несет.

В горьковском «Старике» М. Царев сначала сыграл не Старика, а его бывшего товарища по каторге — Мастакова, и только несколько месяцев спустя вышел на сцену в роли Старика. И главным для актера оказалась в образе его философская сторона — осуждение самой идеи страдания, права одних истязать и мучить других...

О чем, однако, говорят все эти образы — Вожак, Старик и Илья Репнин? О возвращении актера к тем характерным ролям, с которыми сам он связывал в юности свою творческую судьбу? О том, что точнее своих будущих наставников — прославленных мастеров сцены — угадывал он тогда свое истинное сценическое призвание? Возможно, и об этом. Но прежде всего о высокой степени зрелости художника. И не только о зрелости его таланта и мастерства (кстати, именно за исполнение ролей Вожак и Старика Царев был удостоен в позапрошлом году звания лауреата Государственной премии СССР), но и о зрелости идейной, политической. Об умении и способности видеть и передавать связи между явлениями, давно ставшими историей, и явлениями нашего нынешнего дня. О четкой классовой, партийной точке зрения на жизнь и искусство.

Не раз приходилось мне выезжать вместе с Михаилом Ивановичем в разные города нашей Родины. И всегда я обращал внимание на то, как, встречаясь с самыми разными людьми, он не ограничивается только узко театральными де-

лами и заботами. Нет, он стремится вникать во все стороны жизни. Это естественная, органическая потребность человека, живущего всеми интересами, всеми заботами своего времени, своего общества. Именно они, эти впечатления, и позволяют сегодня артисту не только талантливо играть свои роли, но и нацеленно насыщать их острой, боевой, политической мыслью, всегда сообщать им сильный заряд современности.

В самом хорошем смысле слова Михаил Иванович Царев — истинный непоседа. Сегодня он в Уфе участвует в открытии Дома актера. Завтра в Париже отстанывает как президент советского Национального центра Международного института театра идейные и эстетические позиции нашего искусства. А послезавтра его ждут в Праге, где гастролирует Малый театр...

Почти через всю творческую жизнь актера прошел образ Чацкого. Царев играл эту роль в ленинградском Василеостровском театре в первой половине двадцатых годов. В тридцатые годы в Москве в театре имени Вс. Мейерхольда. И, наконец, на протяжении многих лет в Малом театре.

Как о чем-то много раз передуманном говорит Михаил Иванович, глядя мне в глаза:

— Неоднократно слышал я и читал о том, что Чацкий у меня звучал иногда, пожалуй, слишком комсомолом. Слишком приближенно к нашей современности. Вот и думаю, не потому ли это происходило, что главное в нем — любовь к людям? А ведь в этом — самая суть советского человека. А в воинствующем отрицании мертвой силы старого, препятствующего развитию нового, живого, — суть нашего времени...

Каждый из образов, создаваемых актером, представляет собой всестороннее и глубокое исследование человека в его взаимосвязях с действительностью. Каждый из них, ни в чем не повторяя друг друга, как бы освещается главной творческой темой художника, связанной с утверждением Человека в горьковском смысле этого слова.

В каком бы образе ни предстал Царев перед зрителями, он всегда говорит с современниками о том, что их волнует, чем они живут. И, конечно же, в первую очередь это относится к современникам актера воплощенным, им на сцене, — полководцу Огневу из «Фронта», писателю Батуре из «Калиновой рощи», партийному работнику Ромодану из «Крыльев». Вышедшие из-под пера одного из ведущих советских драматургов Александра Корнейчука, они в воплощении Царева обрели на сцене неповторимую конкретность, высокую степень жизненной достоверности.

Особо известен тысячам и даже миллионам зрителей образ секретаря обкома партии Ромодана, запечатленный в экранизации спектакля Малого театра. В исполнении Царева Ромодан — человек вдумчивый, сердечный, партийная работа для него — его истинное призвание. Ромодан больше всего и прежде всего думает о людях, об их судьбах и счастье. Удивительно мягко, душевно проводил артист сцену Ромодана со своей старой учительницей Горичев, образ которой был создан А. Яблочкиной. Жизнь кажлого из тех, с кем Ромодану приходится прикасаться, он хочет сделать осмысленнее, полезнее, красивее. С теми же, кто мешает людям жить, насаждая чуждые нашему обществу нравы и обычаи, Ромодан непримирим. И здесь чувства героя и чувства артиста сливаются воедино,

ярко звучит его гражданский темперамент.

Давно я знаю Михаила Ивановича Царева, нередко с ним встречаюсь и замечаю при каждой встрече: разный он, неповторим, всегда полон новых замыслов. Энергия обширных знаний, обаяние личности так и бьют из него ключом. На любую тему беседовать с ним — одно удовольствие. Льется, меняя интонации, его неповторимый голос, обволакивает, вызывает зримые образы.

Михаил Иванович не только крупный художник, он и активный общественный деятель. Он директор Малого театра, возглавляет Всероссийское театральное общество. Он человек кипучего политического темперамента.

После Нового года мне вновь довелось встретиться с Михаилом Ивановичем в ВТО.

— Время-то какое великое идет! — говорил Царев радостно, шуря свои выразительные глаза, людям, окружившим его после заседания президиума. — Вот и съезд партии скоро. Так хочется тряхнуть стариной — сыграть Человека ленинского склада, такого, знаете, самобытного, с крупным характером, может быть, дерзкого, ершистого такого, задиристого, неукротимого, может быть, ошибающегося в чем-то, но правдивого, цельного, коммуниста, в общем, нашего современника...

И он, образ этот, встает передо мной как бы уже ожившим на сцене. Я с искренним восхищением смотрю на Михаила Ивановича, сожалея, что и сотой доли его жизни и творчества не смогу передать в своем коротком газетном очерке.

Юрий ЗУБКОВ.